

Научная статья

УДК 330.101.22

JEL A14, R13, Z10, C 43

DOI 10.25205/2542-0429-2025-25-1-113-130

Исследование нравственного аспекта как индикатора благосостояния российских регионов

Марианна Михайловна Михалёва^{1,2}
Дмитрий Алексеевич Погорелко¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

m.mikhaleva@g.nsu.ru
d.pogorelko@g.nsu.ru

Аннотация

Статья посвящена построению синтетического индикатора благосостояния с учетом нравственного аспекта. Нравственный аспект трактуется в контексте этики пороков, как феномен культуры, для представления которого использована система семи смертных грехов. Пороки искажают предпочтения, меняя систему нравственных координат, поэтому этика пороков является актуальной концепцией для более глубокого понимания человеческих мотиваций. Предлагаемая методика позволяет рассмотреть смертные грехи не только как индивидуальные отклонения от вектора религиозно-нравственной культурной идентичности, но и в форме антисоциального поведения, которое имеет экономические последствия, измеряемые уровнем благосостояния. Индикатор благосостояния построен в соответствии с современными методическими трендами вычисления композитных индексов, на основе интегрированных в единый сводный показатель доступных для наблюдения характеристик, релевантных специфике семи смертных грехов. Он позволяет получить общий срез нравственного пространственного распределения, а также структурированные по отдельным концептуальным измерениям показатели для выявления вклада каждого порока в общую картину благосостояния субъектов РФ. Составлен рейтинг регионов по уровню благосостояния, отражающий нравственный аспект российского общества. Построены картограммы, иллюстрирующие дифференциацию регионов по нравственному признаку и проблемные области, требующие мер целенаправленной социально-экономической политики.

Ключевые слова

культурная идентичность, показатели благосостояния, экономическое развитие, синтетические индикаторы, смертные грехи, российские регионы

© Михалёва М. М., Погорелко Д. А., 2025

Финансирование

Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и ее отдельных территорий», № 121040100262-7.

Для цитирования

Михалёва М. М., Погорелко Д. А. Исследование нравственного аспекта как индикатора благосостояния российских регионов // Мир экономики и управления. 2025. Т. 25, № 1. С. 113–130. DOI 10.25205/2542-0429-2025-25-1-113-120

An Investigation of the Moral Aspect as a Well-Being Indicator of Russian Regions

Marianna M. Mikhaleva^{1,2}, Dmitry A. Pogorelko¹

¹Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

²Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

m.mikhaleva@g.nsu.ru
d.pogorelko@g.nsu.ru

Abstract

This study is devoted to the construction of a synthetic indicator of well-being taking into account the moral aspect. The moral aspect is interpreted in the context of the ethics of vices, as a cultural phenomenon, based on the system of seven deadly sins. Since the vices distort preferences, changing the system of moral coordinates, so the ethics of vices is a relevant concept for a deeper understanding of human motivations. The proposed methodology allows us to consider deadly sins not only as individual deviation from the vector of religious and moral cultural identity, reworked in the form of non-cooperative social behavior, which has economic consequences measured by the level of well-being. The well-being indicator is built in accordance with modern methodological trends in calculating composite indices, based on the characteristics available for observation integrated into a single summary indicator, relevant to the specifics of the seven deadly sins. It allows us to obtain total spatial patterns of moral-based cultural identity, as well as partial indicators structured by individual conceptual dimensions to identify the contribution of each vice in order to describe the territorial subjects of the Russian Federation well-being. It was The ranking of regions is based on the level of well-being, reflecting the moral aspect of Russian society. Cartograms illustrating the differentiation of regions by moral characteristics and problem areas requiring targeted socio-economic policy measures have been constructed.

Keywords

cultural identity, wellbeing indicators, economic development, synthetic indicators, deadly sins, Russian regions

Funding

The article was carried out as part of the research work of IEIE SB RAS, «Tools, technologies and results of analysis, modeling and forecasting of spatial development of Russian socio-economic system and its individual territories», №. 121040100262-7

For citation

Mikhaleva M. M., Pogorelko D. A. An investigation of the moral aspect as a well-being indicator of Russian regions. *World of Economics and Management*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 113–130. DOI 10.25205/2542-0429-2025-25-1-113-130

Введение

В настоящее время наметилось возрождение интереса к культуре в рамках экономической науки. Отправной точкой для исследования роли культуры в экономической науке является предположение о том, что культура, воспринимаемая как совокупность убеждений и ценностей, передаваемых из поколения в поколение различными социальными, этническими и религиозными группами, оказывает влияние на формирование ожиданий и предпочтений и, следовательно, на долгосрочные экономические результаты (Guiso et al., 2006; Бегельсдейк и др., 2016).

Концепция обобщенной нравственности является ключевым элементом дискуссии о роли культуры в экономическом развитии (Tabellini, 2010). В данной работе культурологический аспект отражен в христианском учении о семи смертных грехах – гордыни, жадности, гнева, зависти, похоти, чревоугодии, унынии. Поступок относится к категории смертных грехов, если он приводит к выбору менее значимых благ и становится непосредственной причиной других безнравственных действий.

Концепция семи смертных грехов присуща всем авраамическим религиям (христианство, ислам, иудаизм), приверженцы которых, по данным ВЦИОМ на 2022 г., составляют 73 % от всего населения России. В таком понимании смертные грехи представляют одно из наиболее симптоматичных проявлений христианской морали и, следовательно, могут определять форму культурной характеристики общества.

С другой стороны, если мы признаем тот факт, что живем в светском государстве, законы которого не подчиняются религиозной морали (неверующих – 14 %), то используем институциональное измерение, рассматривающее культурные нормы как добродетели и трактуем смертные грехи как отклонения от кооперативного поведения. Таким образом, смертные грехи можно воспринимать не только как феномен индивидуального человеческого порока, но и своего рода антисоциальное поведение, нарушение моральных норм.

Всплеск популярности исследований о благосостоянии является логичным результатом стремления научного сообщества учесть культурное разнообразие в экономической науке (Alesina et al., 2016; Fearon, 2003; Inglehart, 2006; Лимоннов и др., 2016; Буфетова и др., 2017). Благосостояние отражает, насколько соответствуют друг другу институты и культурно обусловленные цели. Для оценки благосостояния и компаративных исследований предложены разнообразные индикаторы, учитывающие различные измерения жизни (Кислицына, 2016). В связи с тем, что нравственный аспект как механизм, через который осуществляется влияние культуры на благосостояние российских регионов, мало изучен, представленное исследование является актуальным. Для анализа нравственного аспекта пространственной неоднородности российских регионов разработана методика построения индикатора благосостояния, основанная на концепции семи смертных грехов.

Выбор статистических переменных для построения субиндикаторов благосостояния

В качестве источника данных использовались статистические переменные ЕМИСС и микроданные из опросов Росстата. В выборку включены 83 субъекта РФ, характеризующие определенную степень культурного разнообразия. Для преобразования понятия смертных грехов в индикаторы благосостояния необходимо было собрать репрезентативные переменные каждого греха или порока, отражающие некооперативное социальное поведение. В табл. 1 сведены рассматриваемые переменные, трансформированные в субиндексы благосостояния. Далее приведена аргументация конвертации христианского канонического определения каждого из семи смертных грехов в нравственные субиндексы, обуславливающая выбор релевантных переменных, за счет которых происходит перенос индивидуальных предпочтений на коллективный уровень. Эти переменные не претендуют на полноту раскрытия всех аспектов каждого греха – это первая итерация извлечения из доступной статистической информации показателей, описывающих индивидуальные отклонения на агрегированном уровне.

Алчность (*Avaritia*) означает чрезмерное стремление к материальному богатству, жажда наживы, поэтому интерпретируется как чрезмерное накопление дохода, а частный индикатор этого измерения благосостояния можно трактовать как индикатор концентрации богатства. Высокая пространственная концентрация ренты является одним из ключевых источников социального неравенства. Сами по себе деньги несут лишь инструментальную ценность – это ценности-средства для достижения фундаментальных ценностей – ценностей-целей. Алчность приводит к тому, что деньги воспринимаются как конечная ценность и обладание материальными благами возводится в самоцель, что является грехом. Предпринимателей могут довести до излишеств спекуляции на финансовых рынках, и то же самое может случиться с домохозяйствами – соблазн новых, интересных и привлекательных товаров может стать стимулом для приобретения кредитных карт и увеличить риск огромных долгов (Gathergood, 2012). Эти аргументы обосновывают выбор переменных, характеризующих уровень концентрации богатства – *накопление денег, занятость и валовое накопление капитала в финансовом и страховом секторе*. Предел финансовой алчности выражается в форме воровства, что отражено в переменной количество краж.

Зависть (*Invidia*) определяется как чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого. Добавив «социальное» измерение зависти, трансформируем ее в частный синтетический индикатор потребительства. С экономической точки зрения можно рассматривать зависть как предпочтение распределения, принадлежащего кому-то другому. Масштабы потери благосостояния из-за зависти возникают в результате межгрупповых сравнений, которые задает уровень притязаний, меняя потребительское поведение тем сильнее, чем больше разница с референтной группой (Vernon, 1969; Frank, 1989). Сравнение собственной корзины товаров с корзиной референтной группы отражается в модели снобизма (Leibenstein, 1950). В настоящих реалиях в качестве референтной группы можно рассмотреть инфлюенсеров (лидеров мнений), которые демонстрацией идеальной картины жизни в социальных сетях вынуждают чувствовать себя неблагополучными. Эти

аргументы послужили критерием выбора переменных, отражающих причину зависти – *отношение числа активных русскоязычных авторов в регионе в социальных сетях среди жителей региона к численности населения региона и отношения объема телекоммуникационных услуг на душу населения к среднему доходу* как средство доступа к источнику зависти.

Важным экономическим последствием зависти в повседневной жизни является зависть к физической привлекательности (Hamermesh, 2011), что приводит к чрезмерному потреблению и отражается в *переменных доля расходов на одежду и отношение оборота розничной торговли косметикой и одеждой на душу населения к среднему доходу в регионе*. В крайнем случае зависть сказывается на чрезмерном заимствовании и количестве людей, оказавшихся в долгах, которые они не могут погасить, что отражено статистической переменной *степень за кредитованности населения*.

Гнев (Ira) означает неконтролируемое чувство ярости и ненависти, при нарастании часто переходит в разрушительное поведение. Поскольку причинение вреда другим людям является следствием неконтролируемого гнева, то в социальном плане его можно интерпретировать как индикатор насилия. В качестве показателей для каждой пространственной единицы использована статистика по *количеству преступлений средней тяжести*, а также *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью*. В качестве переменной, которая может помочь отследить вспышки гнева, в список переменных включен также показатель *количества преступлений, совершенных лицами, ранее преступления не совершавшими*.

Похоть (Lujuria) означает страстное желание плотских удовольствий и трансформируется в частный индикатор антисемейного благополучия, поэтому для ее выявления используются показатели, которые демонстрируют отклонение от традиционных семейных ценностей. С точки зрения социальной эффективности сексуальная распущенность может увеличить вероятность заболеваний, передающихся половым путем, что отражает переменная *заболеваемость ВИЧ-инфекцией*. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2021 г. третьей по частоте упоминания причиной для развода является неверность в браке, которую также можно считать последствием похоти, что отражено в переменной *соотношение числа разводов к числу браков*. Грех блуда включает в себя все проявления половой активности человека вопреки естественному способу их осуществления в браке. Невоздержанность в сексуальном поведении и эгоистическое удовлетворение приводит к росту аборт, что показывает переменная *соотношение числа аборт к числу родившихся детей*. Похоть может склонить молодых людей к безрассудному поведению, что выливается в подростковую беременность, которая выражается через показатель *доли детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке*. Приобретая все более опасные масштабы, разврат приводит к преступлениям, это отражено переменной *количество изнасилований*.

Чревоугодие (Gula) сводится к чрезмерному пристрастию к угождению плоти, следовательно, с социальной точки зрения его можно идентифицировать как индикатор аддиктивного поведения. Из чревоугодия рождаются многоядение и славолубие (любовь к изысканным вкусам и деликатесам) (Попов, 2019). Полагая, что ресторанная еда во многих случаях вкуснее домашней из-за уси-

телей вкуса, включаем переменную *соотношение оборота общественного питания (кафе, бары и рестораны) к доходу на душу населения* в описание этого субиндекса. Кроме того, чревоугодие может привести к гастриту (Özenoğlu et al., 2023) и этот аргумент позволяет использовать переменную *общий коэффициент смертности от болезней органов пищеварения*. К греху обжорства относят пьянство. Чрезмерное потребление алкоголя приводит к нарушению норм поведения. В качестве статистических переменных, отражающих этот аспект, выбраны *доля расходов на алкоголь и сигареты и количество лиц, совершивших преступление в алкогольном опьянении*. Это дополняет измерение аддиктивного поведения фактором, связанным со здоровьем и расходами, понесенными в результате личных и социальных расстройств или заболеваний.

Уныние (Desidia) означает внутреннюю неспособность действовать. Беспечность и беззаботность отождествляется с праздностью, которая является одной из основных форм внешнего проявления уныния, а также одной из главных причин его возникновения. С социальной точки зрения уныние может быть переформулировано как индикатор депрессивных расстройств. Отсутствие способности к активному действию влияет на эффективность рынка труда, что отражено обратным значением статистической переменной *индекса производительности труда*. Проявление уныния способно перейти в отчаяние и привести к самоубийству, а желание уйти от проблем – к употреблению веществ, меняющих сознание. Использованы статистические переменные по *количеству самоубийств* (крайняя стадия уныния и отчаяния) и *количеству лиц, совершивших преступления, связанные с оборотом наркотиков*, как показатель, косвенно отражающий уровень наркозависимости в регионе.

Гордыня (Superbia) в значении высокомерия, самоощущения превосходства над другими, чрезмерной веры в собственные возможности считается грехом в отличие от гордости в значении «чувство собственного достоинства». Гордыня порождает все остальные пороки, является основой любого греха, его корнем (фундаментом). По этой причине и с точки зрения используемого социального подхода будем считать это измерение нравственного аспекта в качестве составного показателя предыдущих пороков и построим синтетический индекс благосостояния, интегрирующий взаимосвязи между всем комплексом греховных побуждений с обратной полярностью (чем выше синтетический показатель, тем ниже благосостояние).

Первоначально в процессе выбора релевантных статистических показателей был составлен список из 36 показателей, однако многие из них внутри каждого подмножества, объединенного тем или иным грехом, оказались сильно коррелированными. При значении фактора инфляции дисперсии, превышающем 10, переменная исключалась из дальнейшего анализа, в результате осталось 12 показателей, которые взяты из расчета на 1000 человек населения (табл. 1). Это существенно сократило список используемых переменных, но снизило риск искажения значений индикаторов. Следует отметить, что выбранные показатели из национальной статистики прошли этап согласования экспертным методом.

Таблица 1

Трансформация семи смертных грехов в индикаторы

Table 2

Transformation of the Seven Deadly Sins into Indicators

Грех (на латыни)	Статистические переменные	Индикатор
<i>Алчность</i> (Avaritia)	AVA 1. Занятость в финансовой сфере AVA 2. Доля активов в финансовой сфере AVA 3. Количество преступлений экономической направленности AVA 4. Количество краж	Индикатор концентрации богатства
<i>Зависть</i> (Invidia)	INV 1. Оборот розничной торговли косметикой и одеждой на душу населения INV 2. Долговая нагрузка населения INV 3. Отношение числа активных русскоязычных авторов в регионе к населению региона	Индикатор потребительства
<i>Гнев</i> (Ira)	IRA 1. Количество преступлений с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью IRA 2. Доля лиц, совершивших преступление, не совершавших его ранее IRA 3. Количество преступлений средней тяжести	Индикатор насилия
<i>Похоть</i> (Luxuria)	LUX 1. Соотношение разводов к бракам LUX 2. Соотношение абортс к числу родившихся детей LUX 3. Количество изнасилований LUX 4. Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекции	Индикатор антисемейного благополучия
<i>Чревоугодие</i> (Gula)	GUL 1. Общий коэффициент смертности от болезней органов пищеварения GUL 2. Оборот общественного питания на душу населения к среднедушевому доходу GUL 3. Доля расходов на алкогольные напитки и табачные изделия GUL 4. Число лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения	Индикатор аддиктивного поведения
<i>Уныние</i> (Desidia)	DES 1. Число зарегистрированных самоубийств DES 2. Число лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков DES 3. Величина, обратная индексу производительности труда	Индикатор депрессивных расстройств
<i>Гордыня</i> (Superbia)	Считается, что это источник других смертных грехов, и поэтому мы рассматриваем это измерение как синтетический показатель предыдущих пороков	Композитный показатель благосостояния с обратной полярностью

Построение композитного индекса благосостояния на основе трансформации этики пороков

Композитный индекс дает возможность сведения большого массива данных с разными количественными мерами (единицами измерения) в единый показатель, позволяющий получить целостное представление о благосостоянии определенной территории и обеспечить техническое удобство для межрегионального сопоставления полученных интегральных значений (Нотман, 2021; Peiró-Palomino, 2018).

Композитный индекс рассчитывался по методике, аналогичной используемой в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчетах о развитии человеческого потенциала (Human Development ..., 2023). В качестве метода масштабирования использовалась нормализация:

$$x_{i,rescale} = \left(\frac{x_i - 0.95x_{\min}}{1.05x_{\max} - 0.95x_{\min}} \right) n,$$

где $x_{i,rescale}$ – значение переменной после масштабирования; x_i – исходное значение переменной, $x_{\min}$ и $x_{\max}$ – минимальное и максимальное значение переменной соответственно; n – верхний предел значений, определяемых пользователем.

Это позволило сгладить крайние значения исходных значений каждой переменной, используя шкалу макс-мин, и создать новые границы для масштабируемой переменной в диапазоне от 0 до 1. При этом минимум подвыборки сокращался на 5 %, а максимум увеличивался на 5 % во избежание значений, равных нулю и больше единицы.

Частные субиндексы, репрезентативные каждому измерению греха, рассчитывались как среднее геометрическое переменных, соответствующее тому греху, к которому этот индикатор относится:

$$IND_{\sin} = \frac{1}{n_{\sin}} \sqrt[n_{\sin}]{\prod_{i=1}^{n_{\sin}} IND_{\sin}},$$

где $IND_{\sin}$ – частный индикатор греха (рассчитывается для шести смертных грехов, за исключением гордыни); $n_{\sin}$ – количество статистических переменных, описывающих грех.

Композитный показатель благосостояния как представитель греха гордыни, интегрирующий рассматриваемые грехи, рассчитывается как среднее геометрическое всех предыдущих субиндикаторов:

$$IND_{Superbia} = \sqrt[6]{\prod_{\sin=1}^6 IND_{\sin}},$$

где $IND_{Superbia}$ – композитный индикатор благосостояния.

Выбор среднего геометрического обоснован тем, что способствует присвоению меньшего значения тем регионам, где значение хотя бы одного из индикаторов

будет ниже, чем при использовании среднеарифметического, т. е. в данном случае предпочтение отдается тем регионам, где исторически сложилась «комфортная» среда хотя бы по одному из субиндикаторов. Этот взвешенный составной индикатор предыдущих частных индикаторов можно использовать в качестве показателя благосостояния с обратной полярностью для компаративного исследования региональных различий. Всем субиндексам присвоены равные веса, поскольку каждое измерение греха вносит одинаковый вклад в интегральный показатель. Семь смертных грехов – это своего рода набор главных компонент, представляющий огромное множество грехов и прегрешений и позволяющий уменьшить размерность данных и избавиться от многомерности.

Результаты по интегральному синтетическому индикатору и по частным показателям благосостояния представлены картографически в виде шкалы квинтилей рангов каждого индекса (рис. 1–7).

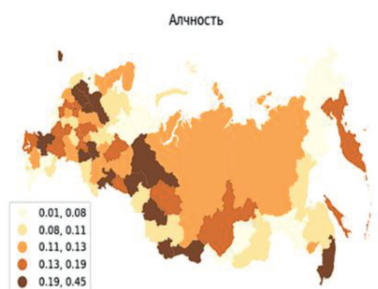

Рис. 1. Пространственное распределение субиндикатора концентрации богатства

Fig. 1. Spatial distribution of the wealth concentration partial indicator

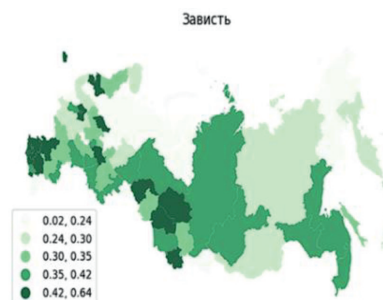

Рис. 2. Пространственное распределение субиндикатора потребительства

Fig. 2. Spatial distribution of the consumerism partial indicator

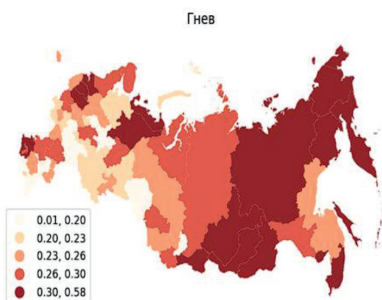

Рис. 3. Пространственное распределение субиндекса насилия

Fig. 3. Spatial distribution of the partial indicator of violence

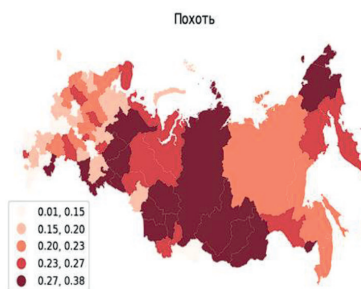

Рис. 4. Пространственное распределение субиндикатора антисемейного благополучия

Fig. 4. Spatial distribution of the partial indicator of skewed family well-being

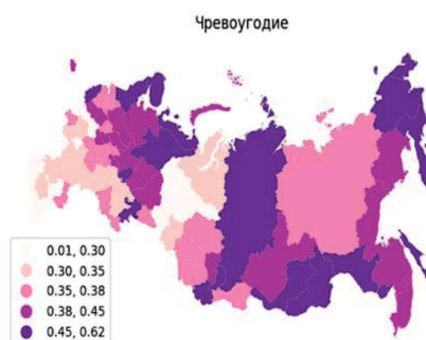

Рис. 5. Пространственное распределение субиндикатора аддиктивного поведения

Fig. 5. Spatial distribution of the partial indicator of addictive behavior

Рис. 6. Пространственное распределение субиндикатора депрессивных расстройств

Fig. 6. Spatial distribution of the partial indicator of depressive disorders

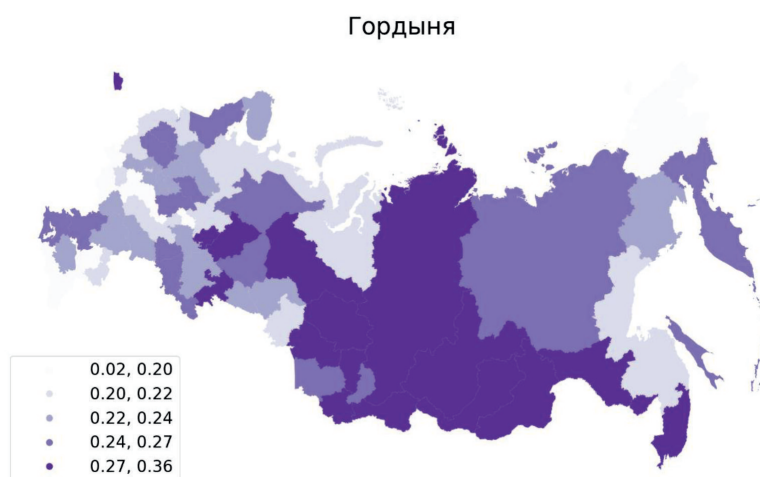

Рис. 7. Пространственное распределение композитного индикатора благосостояния

Fig. 7. Spatial distribution of the composite well-being indicator

По результатам расчета индикаторов благосостояния составлен рейтинг регионов. Все субъекты РФ проранжированы по каждой из семи шкал рассматриваемой нравственной системы, представляющих один из смертных грехов, и расположены вдоль спектра моральных ценностей от одной крайней точки – высокой нравственности, соответствующей низким значениям индикатора, до другой – низкой нравственности, соответствующей высоким значениям индикатора. В табл. 2 представлены пять регионов, которые возглавили рейтинг по уровню благосостояния – регионы-лидеры с низкими значениями индикатора и пятерка регионов, которые замыкают рейтинг – регионы-аутсайдеры с высокими значениями индикатора.

Таблица 2

Регионы лидеры и аутсайдеры по шести субиндексам
и интегральному индексу благосостояния

Table 2

Leaders and outsiders of the six partial indicators and the synthetic indicator
of well-being by Russian regions

Грех (на латыни)	Регионы-лидеры	Значение индикатора	Регионы-аутсайдеры	Значение индикатора
1	2	3	4	5
<i>Алчность</i> (Avaritia)	Кабардино-Балкарская Республика	0,01	г. Москва	0,45
	Чеченская Республика	0,02	Новгородская область	0,33
	Республика Ингушетия	0,03	Калининградская область	0,33
	Республика Дагестан	0,03	Приморский край	0,30
	Брянская область	0,05	Вологодская область	0,29
<i>Зависть</i> (Invidia)	Чукотский АО	0,02	г. Санкт-Петербург	0,64
	Республика Ингушетия	0,05	Краснодарский край	0,58
	Ненецкий АО	0,06	Калининградская область	0,58
	Курганская область	0,13	Московская область	0,58
	Чеченская Республика	0,16	Новосибирская область	0,56
<i>Гнев</i> (Ira)	Чеченская Республика	0,01	Республика Тыва	0,58
	Республика Дагестан	0,12	Чукотский АО	0,51
	Республика Ингушетия	0,13	Магаданская область	0,43
	Тюменская область	0,14	Ненецкий АО	0,40
	Карачаево-Черкесская Республика	0,15	Республика Саха (Якутия)	0,39
<i>Похоть</i> (Luxuria)	Чеченская Республика	0,01	Курганская область	0,67
	Республика Калмыкия	0,05	Республика Бурятия	0,45
	г. Москва	0,07	Свердловская область	0,43
	Республика Ингушетия	0,08	Красноярский край	0,43
	г. Санкт-Петербург	0,10	Кемеровская область	0,41
<i>Чревоугодие</i> (Gula)	Республика Ингушетия	0,00	Республика Коми	0,54
	Чеченская Республика	0,01	Сахалинская область	0,52
	Республика Дагестан	0,09	Амурская область	0,52

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
	Карачаево-Черкесская Республика	0,10	Магаданская область	0,49
	Республика Северная Осетия – Алания	0,11	Республика Карелия	0,49
Уныние (Desidia)	Чеченская Республика	0,01	Еврейская АО	0,60
	Республика Ингушетия	0,01	Амурская область	0,57
	Сахалинская область	0,05	Забайкальский край	0,52
	Республика Северная Осетия – Алания	0,06	Республика Бурятия	0,51
	Республика Марий Эл	0,08	Республика Алтай	0,49
Гордыня (Superbia)	Чеченская республика	0,02	Республика Алтай	0,36
	Ингушетия	0,04	Приморский край	0,34
	Дагестан	0,10	Новосибирская область	0,32
	Кабардино-Балкарская республика	0,12	Еврейская автономная область	0,31
	Республика Калмыкия	0,17	Челябинская область	0,31

Результаты

Рассмотрим полученные результаты рейтинга по уровню благосостояния регионов России. Грех *алчности* преобразован в показатель концентрации богатства (рис. 1). Поляризация региональных доходов на душу населения приводит к снижению уровня благосостояния. Этот субиндекс свидетельствует о высокой концентрации финансовых активов в регионах с более высоким экономическим развитием, в которые входят, помимо Москвы, северные регионы, а также регионы, в которых сосредоточены основные штаб-квартиры нефтегазовых компаний (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Татарстан, Тюменская область). В первой десятке оказались Новосибирская область, Самарская область и Республика Алтай.

Более низкие коэффициенты концентрации богатства характерны для регионов Северо-Кавказского и Южного федерального округа, которым присуще более низкие темпы развития, чем в среднем по России. Замыкают первую десятку Ленинградская область и Ненецкий автономный округ. Таким образом, в Северо-Западном федеральном округе наблюдается большой разброс значений субиндекса.

На картограмме (рис. 2) можно заметить, что грех *зависти*, превращенный в частный показатель потребления, лидирует в Санкт-Петербурге, Москве и Московской области и сконцентрирован в прибрежных регионах (Краснодарский край, Калининградская область) и Республике Алтай и Новосибирской области.

Низкие значения склонности к зависти преобладают в кавказских регионах. В Северо-Западном федеральном округе выделяются четыре субъекта с низкими показателями (Ненецкий автономный округ, Архангельская область, Вологодская область, Республика Коми). Средние значения превалируют в Приволжском и Дальневосточном федеральном округе.

Грех *гнева* преобразуется в частный показатель насилия и демонстрирует гораздо более локализованное пространственное распределение (рис. 3). За исключением максимального значения в Республике Тыва, проявление гнева сосредоточено во всех дальневосточных регионах (Республика Коми, Приморский край, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Сахалинская область, Камчатский край).

Низкие показатели субиндикатора насилия, свидетельствующие о более высоком показателе благосостояния, – на Кавказе и в Тюменской области.

Грех *похоти* преобразован в общий индикатор антисемейных ценностей (рис. 4). Распределение этого субиндикатора показывает наибольшую концентрацию (худшее состояние в сфере семейной политики) в Оренбургской и Курганской областях, здесь же весь Сибирский федеральный округ, за исключением Омской области. В первой десятке лидеров с высокими показателями семейных ценностей (низкие значения индикатора) сосредоточены кавказские регионы (Чеченская республика, Ингушетия, Республика Калмыкия), а также Москва и Санкт-Петербург. Замыкают первую десятку Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва.

Пространственное распределение греха *чревоугодия*, определенного как частный показатель аддиктивного поведения (рис. 5), отражает наибольшую концентрацию в регионах Северо-Западного федерального округа (Мурманская область, Камчатский край, Республика Карелия, Республика Коми, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ) и Сибирского федерального округа (Республики Бурятия, Алтай, Хакасия). Анализ низких значений отмечен в кавказских регионах, Санкт-Петербурге и Москве.

Грех *уныния*, обобщенный в виде показателя депрессивных расстройств (рис. 6), показывает высокую концентрацию в Сибирском и Дальневосточном федеральном округе, а также Республике Коми. Низкие значения индикатора встречаются на юге России. Другими регионами, для которых характерна такая ситуация, являются регионы центральной части России: Тульская область входит в пятерку лидеров, Москва в десятку, Республики Марий Эл и Чувашия представляют Приволжский федеральный округ.

Перейдем к анализу пространственного распределения интегрального синтетического индикатора. Его территориальное распределение отражено на рис. 7. Видно, что высокими значениями интегрального показателя (соответствующими низкому уровню благосостояния) отличаются субъекты Сибирского федерального округа (за исключением Омской области) и Дальневосточного федерального округа. Лучшие уровни благосостояния (с низкими значениями индикатора благосостояния) наблюдаются преимущественно в кавказских регионах.

Распределение композитного индикатора благосостояния по федеральным округам представлено на коробчатой диаграмме (рис. 8), где СФО – Сибирский федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ, ДФО – Дальневосточный федеральный округ, ЦФО – Центральный федеральный округ, УФО – Уральский федеральный округ, ЮФО – Южный федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный федеральный округ.

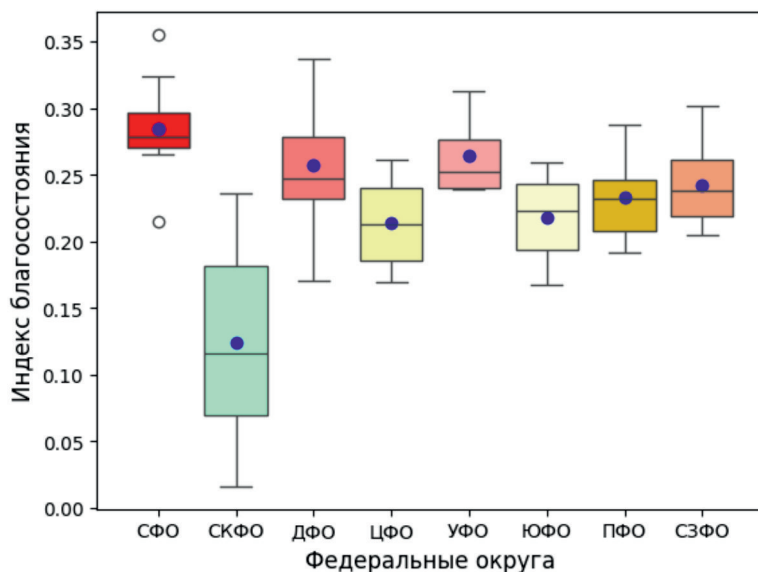

Рис. 8. Коробчатые диаграммы для сравнения распределения индикатора по федеральным округам

Fig. 8. Boxplot analysis of the synthetic indicator by federal districts

Распределение показывает, насколько отличаются федеральные округа, занимающие нижние и верхние строчки рейтинга, а именно – Сибирский федеральный округ (СФО) и Северо-Кавказский (СКФО). Разница между средним значением композитного индикатора этих округов составляет почти 0,2 пункта, при этом СКФО имеет большую дисперсию региональных ценностей, отражающую серьезные внутренние дисбалансы. В СФО – наименьшая дисперсия (без учета выбросов), при этом выделяются два экстремальных выброса, соответствующие низкому значению индекса (Омская область) и высокому (Республика Алтай). Относительно высокой степенью разброса показателя отмечен ДФО, в отличие от округов, которые относятся к европейской части России, где наблюдается высокая степень пересечения друг с другом.

Значения индикатора у ДФО, ЮФО, УФО и СЗФО ниже медианного значения синтетического показателя для всей совокупности анализируемых регионов. Они демонстрируют высокие значения интегрального показателя, что подразумевает относительные потери в уровне благосостояния, а также большую диспер-

сию региональных ценностей, отражающую серьезные внутренние дисбалансы. Для регионов выборки из ЦФО можно наблюдать нормальное распределение индекса, относительно высокий уровень индикатора благосостояния, а также относительно низкий уровень региональной дисперсии.

Заключение

В настоящее время наметилась тенденция к возрождению интереса к культуре в рамках экономической науки. В данной работе нравственная культура в ее ценностном, аксиологическом срезе исследована в фокусе системы семи смертных грехов, которые выявляют внутреннюю структуру благосостояния российских регионов. Выводы по результатам проведенного исследования сводятся к следующему.

Разработана методика расчета индикатора благосостояния с учетом религиозно-нравственной культурной идентичности. Основной акцент в трансформации семи смертных грехов в индикаторы сделан на отражении индивидуальных отклонений в форме антисоциального поведения, приводящего к экономическим последствиям, измеряемым уровнем благосостояния.

Построен синтетический композитный индикатор благосостояния, позволяющий исследовать пространственное распределение российских регионов и степень их связи с экономическим развитием.

Составлен рейтинг регионов, отражающий пространственную форму нравственной территориальной организации российского общества. По каждой из семи шкал рассматриваемой нравственной системы, представляющих один из смертных грехов, можно выполнять компаративные сравнения.

Сформированы картограммы, иллюстрирующие территориальную структуру нравственного распределения, что дало возможность увидеть пространственные закономерности и наиболее проблемные области, требующие мер целенаправленной социально-экономической политики.

Проведенное исследование показало тенденцию к проявлению внутренних дисбалансов в рамках федеральных округов и общее пространственное неравенство в нравственном распределении российских регионов.

Список литературы

1. **Бегельсдейк Ш., Маселанд Р.** Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / пер. с англ. Н. В. Автономовой; науч. ред. В. С. Автономов. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. 464 с.
2. **Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалёва М. М.** Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 143–157.
3. **Кислицына О. А.** Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.

4. **Лимонов Л. Э., Несена М. В.** Культурное разнообразие российских регионов и экономический рост // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 63–79.
5. **Нотман О. В.** Композитные индексы как инструмент измерения качества жизни населения // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. Т. 1. С. 161–167.
6. **Попов Е.** Нравственное богословие для мирян: в порядке десяти заповедей Божиих: в 2 т. М.: Правило веры, 2019. 1926 с.
7. **Alesina A., Harnoss J., Rapoport H.** Birthplace diversity and economic prosperity // *Journal of Economic Growth*. 2016. № 21 (2). P. 101–138.
8. **Fearon J.** Ethnic and cultural diversity by country // *Journal of economic growth*. 2003. № 2. P. 195–222.
9. **Frank R.** Frames of reference and the quality of life // *American Economic Review*. 1989. № 79 (2). P. 80–85.
10. **Gathergood J.** Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. // *Journal of Economic Psychology*. 2012. № 33 (3). P. 590–602.
11. **Guiso L., Sapienza P., Zingales L.** Does Culture Affect Economic Outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*, 2006, no. 20, pp. 23–48.
12. **Hamermesh D.** *Beauty Pays: Why Attractive People Are More Successful*. Princeton University Press, 2011. 232 p.
13. Human Development Report 2023/2024 technical notes // United Nations Development Programme. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2023-24_HDR/hdr2023-24_technical_notes.pdf (accessed date: 19.09.2024).
14. **Inglehart R.** Mapping Global Values // *Comparative Sociology*. 2006. № 5. P. 115–136.
15. **Leibenstein H.** Bandwagon. Snob and Veblen effects in the theory of consumers' demand // *Quarterly Journal of Economics*. 1950. № 64(2). P. 183–201.
16. **Özenoğlu A., Anul N., Özçelikçi B.** The relationship of gastroesophageal reflux with nutritional habits and mental disorders // *Human Nutrition & Metabolism*. 2023. № 33. P. 200–203.
17. **Peiró-Palomino J., Picazo-Tadeo A.** OECD: One or many? Ranking countries with a composite well-being Indicator // *Social Indicators Research*. 2018. № 139 (3). P. 847–869.
18. **Tabellini G.** Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2010. № 8. P. 677–716.
19. **Vernon M.** *Human Motivation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 190 p.

References

1. **Alesina A., Harnoss J., Rapoport H.** Birthplace diversity and economic prosperity. *Journal of Economic Growth*, 2016, no. 21(2), pp. 101–138.
2. **Begelsdeik Sh., Maseland R.** Culture in Economic Science: History, Methodological Considerations, and Areas of Practical Application in the Modern World /

- translated from English by N. V. Avtonomova; scientific editor V. S. Avtonomov. M.; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; International Relations Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2016, 464 p. (in Russ.)
3. **Bufetova A. N., Kolomak E. A., Mikhaleva M. M.** National diversity and economic development of Russian regions. *The world of economics and management*, 2017, vol. 17, no. 3, p. 143–157 (in Russ.)
4. **Fearon J.** Ethnic and cultural diversity by country. *Journal of economic growth*, 2003, no. 2, pp. 195–222.
5. **Frank R.** Frames of reference and the quality of life. *American Economic Review*, 1989, no. 79 (2), pp. 80 – 85.
6. **Gathergood J.** Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. *Journal of Economic Psychology*, 2012, no. 33 (3), pp. 590–602.
7. **Guiso L., Sapienza P., Zingales L.** Does Culture Affect Economic Outcomes? *Journal of Economic Perspectives*, 2006, no. 20, pp. 23–48.
8. **Hamermesh D.** Beauty Pays: Why Attractive People Are More Successful. *Princeton University Press*, 2011, 232 p.
9. Human Development Report 2023/2024 technical notes. In: United Nations Development Programme. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2023-24_HDR/hdr2023-24_technical_notes.pdf (accessed date: 19.09.2024).
10. **Inglehart R.** Mapping Global Values. *Comparative Sociology*, 2006, № 5, pp. 115–136.
11. **Kislitsyna O. A.** Measuring the quality of life / well-being: international experience. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2016, 62 p. (in Russ.)
12. **Leibenstein H.** Bandwagon. Snob and Veblen effects in the theory of consumers' demand. *Quarterly Journal of Economics*, 1950, no. 64 (2), pp. 183–201.
13. **Limonov L. E., Nesena M. V.** Cultural diversity of Russian regions and economic growth. *Social sciences and modernity*, 2016, no. 1, pp. 63–79. (in Russ.)
14. **Özenoğlu A., Anul N., Özçelikçi B.** The relationship of gastroesophageal reflux with nutritional habits and mental disorders. *Human Nutrition & Metabolism*, 2023, № 33, pp. 200–203.
15. **Özenoğlu A., Anul N., Özçelikçi B.** The relationship of gastroesophageal reflux with nutritional habits and mental disorders. *Human Nutrition & Metabolism*, 2023, no. 33, pp. 200–203. (in Russ.)
16. **Peiró-Palomino J., Picazo-Tadeo A.** OECD: One or many? Ranking countries with a composite well-being Indicator. *Social Indicators Research*, 2018, no. 139(3), pp. 847–869.
17. **Popov E.** Moral Theology for Laypeople: in the Order of the Ten Commandments. In 2 vol. Moscow, Rule of Faith, 2019, 1926 p. (in Russ.)
18. **Tabellini G.** Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 2010, no. 8, pp. 677–716.
19. **Vernon M.** Human Motivation. Cambridge, Cambridge University Press, 1969, 190 p.

Информация об авторах

Михалёва Марианна Михайловна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, доцент кафедры применения математических методов в экономике и планировании НГУ

Погорелко Дмитрий Алексеевич, аспирант Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Information about the Authors

Marianna M. Mikhaleva, Candidate of Economics Sciences; Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Associate Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Dmitry A. Pogorelko, Postgraduate Student, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

*Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025*

*The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025*